

Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации*

Ушкин С. Г.

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск, Российская Федерация; ushkinsergey@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия принимающего сообщества и иностранных мигрантов. Эмпирическая база — данные социологических исследований, посвященных этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия и социальному самочувствию диаспор народов, проживающих на ее территории, которые были выполнены сотрудниками Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2017–2019 гг. Полученные результаты свидетельствуют, что в регионе отсутствуют серьезные предпосылки дестабилизации межнациональных отношений. Принимающее сообщество демонстрирует высокий уровень толерантности по отношению к иностранным мигрантам. Непосредственно представители азербайджанских и армянских диаспор не ощущают напряженности, в то время как узбеки заявляют о незначительных противоречиях на бытовом уровне. Стратегии адаптации иностранных мигрантов в принимающее сообщество имеют серьезные отличия: если выходцы из Азербайджана и Армении нацелены на интеграцию, обладают гибридной этнической идентичностью, то граждане Узбекистана стремятся к сегрегации (или диссимилации), поскольку преследуют сугубо инструментальные цели, не предполагающие контактов с местным населением. Наибольшим потенциалом к сплочению представителей различных национальностей, по мнению опрошенных иностранных мигрантов, обладает общее историческое прошлое; однако, как показывают наши данные, для успешной адаптации требуются его конфигурация с другими детерминантами, например, такими как общая культура, родственные связи и др. Отмечается, что накопленный опыт Республики Мордовия по регулированию межнациональных отношений и проведению исследований в этой сфере продемонстрировал свою эффективность, и может быть перенесен в другие субъекты Российской Федерации.

Ключевые слова: мигранты, принимающее сообщество, ассимиляция, сегрегация, интеграция, маргинализация

Для цитирования: Ушкин С. Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации. 2019. № 12. С. 191–201.

Host Community and Foreign Migrants: Regional Adaptation Practices

Sergey G. Ushkin

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russian Federation; ushkinsergey@gmail.com.

ABSTRACT

The article deals with the interaction of the host community and foreign migrants. The empirical base consists of sociological research data on the ethnic and religious situation in the Republic of Mordovia and the social well-being of diasporas of peoples living in the Republic of Mordovia. The studies were conducted by employees of the Scientific center of social-economic monitoring state institution in 2017–2019. The results show that there are no serious prerequisites for destabilization

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта «Национальные сообщества полиэтнического региона: перспективы ассимиляции и диссимилации» (№ 18-411-130014 p_a).

of interethnic relations in the region. The host community demonstrates a high level of tolerance towards foreign migrants. Representatives of the Azerbaijani and Armenian diasporas do not feel tension. Uzbeks, on the contrary, declare minor contradictions at the household level. The adaptation strategies of foreign migrants in the host community are significant. People from Azerbaijan and Armenia are focused on integration and have a hybrid ethnic identity. Citizens of Uzbekistan strive for segregation (or dissimulation), since they pursue purely instrumental goals that do not involve contacts with the local population. According to the interviewed foreign migrants, the common historical past has the greatest potential for uniting representatives of various nationalities. But, as our data show, successful adaptation requires its configuration with other determinants, such as common culture, kinship, etc. It is noted that the accumulated experience of the Republic of Mordovia in regulating interethnic relations and conducting research in this area has demonstrated its effectiveness, therefore, it can be transferred to other subjects of the Russian Federation.

Keywords: migrants, host community, assimilation, segregation, integration, marginalization

For citing: Ushkin S.G. Host Community and Foreign Migrants: Regional Adaptation Practices // Administrative consulting. 2019. N 12. P. 191–201.

Введение

Протекание процессов адаптации иностранных мигрантов к особенностям принимающего сообщества представляет собой важную исследовательскую проблему как в масштабах отдельно взятых государств, так и мира в целом, поскольку следствием активизации территориально-трудовой мобильности, как правило, является существенное расширение межкультурных и межнациональных контактов, которые далеко не всегда бывают позитивными и конструктивными [12, с. 157]. Исследователями фиксируется ряд угроз, начиная от декларативного снижения уровня толерантности и заканчивая моральными паниками, связанными с распространением сетями приезжих террористической идеологии [5, с. 39; 8, с. 91].

Пристальному изучению подвергаются социально-психологические характеристики мигрантов и в первую очередь — этническая идентичность, понимаемая сквозь призму самоотождествления индивида со своей этнической группой и совокупности представлений о ней (в том числе представлений о языке, культуре, истории и территории проживания) [9, с. 102]. В зависимости от устойчивости различных элементов этнической идентичности принято выделять четыре стратегии адаптации мигрантов к условиям принимающих сообществ: ассимиляцию, сегрегацию, интеграцию и маргинализацию [17, р. 10]. Та или иная стратегия находится под постоянным влиянием внешней или внутренней среды, целей участников, а также выбранной государством моделью регулирования национальной и миграционной политики [7, с. 137].

Россия является одним из мировых лидеров по количеству иностранных мигрантов, уступая по этому показателю лишь США [25, р. 1518]. Несмотря на это, наши соотечественники весьма настороженно относятся к представителям всех «видимых других», независимо от их гражданства и территории, с которой они прибыли [10, с. 69]. Подчеркивается, что постсоветское общество потеряло свое былое единство, что привело к взаимному недоверию и растущему отчуждению различных национальностей, параллельному существованию двух независимых миров: мира русских и мира мигрантов [21, р. 178]. Ситуация существенно осложняется тем, что, с одной стороны, на сегодняшний день нет четкого понимания власти о том, нужны ли мигранты нашей стране, но есть четко обозначенные ксенофобские настроения в некоторых слоях местного населения; с другой стороны, значительная часть мигрантов приезжает сюда исключительно ради заработков и у них нет намерений остаться здесь и интегрироваться, а те, кто потенциально готов встраиваться в российскую действительность, имеют схожий культурный код с россиянами и органично становятся компонентом принимающего общества [6, с. 213].

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать два основных исследовательских вопроса: как россияне относятся к иностранным мигрантам и как иностранные мигранты воспринимают свое положение и пытаются адаптироваться к несвойственным для себя реалиям? Попытка ответа на них, с опорой на социологические данные, способствует снижению конфликтности современного общества и гармонизации национальной и миграционной политики в нашей стране.

Материалы и методы

В настоящей работе мы используем данные социологических исследований, посвященных этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия и социальному самочувствию диаспор народов, проживающих на ее территории, которые были выполнены сотрудниками Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2017–2019 гг.

Непосредственно для исследования этноконфессиональной ситуации в целом в мае 2019 г. проведен массовый анкетный опрос 384 жителей Республики Мордовия. Выборка квотная, репрезентует население региона по полу, возрасту и месту проживания. Погрешность, рассчитанная для аналогичных показателей случайных выборок, не превышает 5%.

В рамках изучения социального самочувствия диаспор в декабре 2017 г. проведен массовый анкетный опрос 345 представителей трех этнических групп, являющихся одними из наиболее многочисленных иностранных мигрантов в Республике Мордовия — азербайджанцев, армян и узбеков. Выборка целевая, рекрутинг респондентов осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, а также за счет метода «снежного кома». В данном случае оценка погрешности ввиду специфики опроса не представляется возможной.

Результаты

Полученные результаты свидетельствуют, что потенциал развития конфликтов на национальной почве в стране в целом, по мнению жителей региона, в определенной степени является ограниченным — каждый второй опрошенный заявляет о стабильном характере межнациональных отношений (51%), каждый третий (30%) наблюдает некоторую межнациональную напряженность и лишь 6% сигнализируют о возможности столкновений. Показательно, что в период с 2008 по 2016 гг. фиксировалась стабилизация межнациональных отношений, которая к 2019 г. достигла пределов роста и вышла на плато [11, с. 196] (табл. 1).

Иностранные мигранты, проживающие в Республике Мордовия, также достаточно высоко оценивают состояние межнациональных отношений по месту жительства — исключение составляют узбеки, которые существенно чаще азербайджанцев и армян заявляют о наличии межнациональной напряженности на бытовом уровне (53% против 3 и 11% соответственно) (табл. 2).

В целом по Республике Мордовия уровень личного конфликтного потенциала, вызванного межнациональной напряженностью, не является высоким: абсолютное большинство респондентов (80%) не испытывает неприязни к представителям какой-либо национальности, в то время как обратной точки зрения придерживается каждый десятый опрошенный (13%). Не вызывают симпатии, как правило, представители Северо-Кавказского региона (32%), евреи (15%), выходцы из Средней Азии (13%) и татары (12%). В динамике наблюдается рост толерантного отношения, который, преодолев восьмидесятипроцентный порог, приостанавливается в период с 2016 по 2019 гг. [11, с. 196] (табл. 3).

Нельзя не обратить внимания на то, что при всем при этом от 33 до 55% иностранных мигрантов, проживающих в Республике Мордовия, время от времени сталкивались с негативным отношением к людям своей национальности (табл. 4).

**Динамика состояния межнациональных отношений в России в целом
в 2008–2019 гг. в оценках населения Республики Мордовия**

Table 1. Dynamics of the state of interethnic relations in Russia as a whole
in 2008–2019 in the estimates of the population of the Republic of Mordovia

Состояние	Год			
	2008	2011	2016	2019
Межнациональные отношения стабильные (без напряженности)	8	20	52	51
Имеется межнациональная напряженность	58	52	26	30
Налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	31	14	7	6
Затрудняюсь ответить	4	14	15	13

Таблица 2

**Состояние межнациональных отношений по месту жительства
в оценках иностранных мигрантов, проживающих в Республике Мордовия в 2017 г.**

Table 2. The state of interethnic relations at the place of residence in the estimates
of foreign migrants living in the Republic of Mordovia in 2017

Состояние	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Межнациональные отношения стабильные, добрососедские	91	81	43
Внешне все спокойно, но межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне	3	11	53
Имеется межнациональная напряженность, возможны межнациональные конфликты	0	0	3
Имеют место межнациональные конфликты	0	0	0
Затрудняюсь ответить	6	8	1

Таблица 3

**Динамика личной неприязни к представителям других национальностей
в 2008–2019 гг. в оценках населения Республики Мордовия**

Table 3. Dynamics of personal dislike for representatives of other nationalities
in 2008–2019 in the estimates of the population of the Republic of Mordovia

Вариант	Год			
	2008	2011	2016	2019
Да, испытываю личную неприязнь	28	23	9	13
Нет, не испытываю личную неприязнь	53	69	81	80
Затрудняюсь ответить	18	7	10	6

Только лишь от 0 до 5% заявляют о высокой частоте проявления агрессии по отношению к себе или своим близким.

Также необходимо отметить, что группы иностранных мигрантов не однородны и совершенно различно воспринимают себя и принимающее сообщество. Если говорить о первичной адаптации и условиях переезда в регион, то основными мотивами у азербайджанцев и армян выступают преимущественно родственные

Таблица 4

Частота столкновений с негативным отношением к людям своей национальности в оценках иностранных мигрантов, проживающих в Республике Мордовия в 2017 г.
 Table 4. The frequency of collisions with negative attitudes towards people of their nationality in the assessments of foreign migrants living in the Republic of Mordovia in 2017

Вариант	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Часто	1	5	0
Редко	33	35	55
Никогда	66	61	46

и трудовые, в то время как у узбеков — исключительно материальные. Помимо этого, обращает на себя внимание тот факт, что, вполне вероятно, наименьшее количество трудностей при встраивании в принимающее сообщество, во всяком случае, на первых порах, возникло у азербайджанцев, которым чаще других рекомендовали закрепиться в республике те, кто уже проживает в ней (табл. 5).

То, что принято называть «матрешкой» идентичности, начинающейся от персональной самоидентификации и заканчивая культурно-цивилизационной, в группах иностранных мигрантов различаются [2, с. 40]. Так, азербайджанцы, проживающие в регионе, ощущают себя преимущественно жителями России; армяне — как жителями России, так и жителями Республики Мордовия; узбеки — жителями Республики Мордовия. Примечательно, что армяне существенно чаще остальных самоидентифицируются как представители своего национального сообщества (табл. 6).

Большинство иностранных мигрантов осведомлены о деятельности своих диаспоральных общин: среди азербайджанцев уровень информированности составляет 62%, армян — 69%, узбеков — 71%. Они являются достаточно прочной спайкой,

Таблица 5

Мотивы переезда в Республику Мордовия иностранных мигрантов, проживающих в Республике Мордовия в 2017 г.

Table 5. Motives for moving to the Republic of Mordovia of foreign migrants living in the Republic of Mordovia in 2017

Мотивы переезда	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Устройство на работу	34	34	24
Получение профессионального образования	14	15	1
Переезд к родным, изменение семейного положения	42	41	5
Улучшение материального положения	13	17	76
Улучшение жилищных условий	0	9	35
Этнические конфликты на месте прежнего проживания	0	0	0
По рекомендации тех, кто уже проживает в Мордовии	24	13	1
Другое	1	5	3
Затрудняюсь ответить	3	2	0

**Структура идентичности иностранных мигрантов, проживающих
в Республике Мордовия в 2017 г.**

Table 6. The structure of the identity of foreign migrants living in the Republic
of Mordovia in 2017

Вариант	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Житель России	69	46	35
Житель Республики Мордовия	23	36	60
Житель родного города/села	3	2	1
Представитель национального сообщества	5	16	4

поскольку за помощью к своему национальному сообществу в какой-либо сложной ситуации готовы обратиться две трети азербайджанцев (64%), половина армян (56%) и большинство узбеков (77%). Механизмами поддержания этнических границ во всех группах опрошенных являются владение национальным языком (более 68% свободно говорят, читают и пишут), приготовление национальных блюд (более 61% готовят их регулярно) и празднование национальных праздников (более 50% отмечают их регулярно). Также большинство иностранных мигрантов предпочитают вступать в брак только с представителями своей диаспоры (более 56%).

Среди факторов, которые в наибольшей степени объединяют людей разных национальностей в современном российском обществе, азербайджанцы выделяют общую историю (40%) и единую культуру (27%), армяне — родственные связи (32%) и общую историю (27%), узбеки — общую историю (77%) (табл. 7).

Напротив, разъединению людей, по мнению азербайджанцев, способствуют язык, традиции, образ жизни (67%) и религия (29%), армян — язык, традиции, образ жизни (46%) и стереотипы и предрассудки (25%), узбеков — язык, традиции, образ жизни (70%) и религия (22%) (табл. 8).

Таблица 7

**Факторы, которые в наибольшей степени объединяют людей
разных национальностей в оценках иностранных мигрантов,
проживающих в Республике Мордовия в 2017 г.**

Table 7. The factors that most unite people of different nationalities in the estimates
of foreign migrants living in the Republic of Mordovia in 2017

Объединяющие факторы	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Единая культура	27	20	16
Патриотизм	20	21	7
Наличие внешних врагов	9	4	0
Общая история	40	27	77
Отношение к политике, власти	10	9	1
Родственные связи	20	32	16
Экономические связи	13	13	7
Язык	14	16	0
Другое	1	2	0
Затрудняюсь ответить	3	16	4

Таблица 8

Факторы, которые в наибольшей степени разъединяют людей разных национальностей в оценках иностранных мигрантов, проживающих в Республике Мордовия в 2017 г.

Table 8. The factors that most disconnect people of different nationalities in the estimates of foreign migrants living in the Republic of Mordovia in 2017

Разъединяющие факторы	Национальность		
	Азербайджанцы	Армяне	Узбеки
Уровень доходов	21	19	9
Язык, традиции, образ жизни	67	46	70
Радикальные взгляды общественных деятелей	10	11	0
Религия	29	23	22
Стереотипы и предрассудки	19	25	8
Другое	1	2	0
Затрудняюсь ответить	5	19	13

Обсуждение

Конфронтации между принимающим сообществом в регионе и иностранными мигрантами не фиксируется, хотя на межличностном, бытовом уровне некоторая напряженность присутствует. Наиболее выражена она по отношению к узбекам, которые маркируются как «другие»; сами они преследуют сугубо инструментальные цели, которые практически не предполагают взаимодействия с местным населением, но при этом обладают развитой этнической социальной сетью, предполагающей наличие как сильных, так и слабых социальных связей [14, с. 195]. Подобные сети отличаются высокой плотностью, замкнутостью, что, по мнению некоторых исследователей, нередко отражает неблагополучие той социальной среды, из которой они вынуждены мигрировать на работу в Россию [4, с. 57]. Поэтому можно говорить о высоком уровне сегрегации узбекской диаспоры, которая таким образом пытается адаптироваться к условиям достаточно враждебной, по их мнению, среды. Более того, временность их пребывания в регионе, по всей видимости, переживается ими как «предельное время» или «время ожидания» от временного пути, поэтому они воспринимают свои лишения как данность и не пытаются улучшить свое положение [23, р. 186]. Такого рода линия поведения, в конечном счете, чревата тяжелой психологической травмой, поскольку в современной научной литературе имеются убедительные предпосылки того, что нацеленность на сугубо извлечение материальной прибыли мигрантами не является гарантом субъективного счастья и, как следствие, благополучия [см. 18; 20].

Представители азербайджанской и армянской диаспор, по всей видимости, находятся в ситуации культурного синкретизма, когда они владеют и своим, и чужим языком, легко переключаются между культурами, участвуют в жизни и своей этнической сети, и принимающего сообщества [13, с. 118; 22, р. 90]. Подобного рода гибридные идентичности становятся нормой, а не исключением [19, р. 146]. Важным следствием этого является то, что «сильные» концепции понимания идентичности постепенно перестают объяснять сложившуюся реальность и уступают место «мягким», подчеркивающим текучий, фрагментарный, договорной характер идентичности [1, с. 83]. Примечательно, что азербайджанцы опираются на социальные связи при переезде в регион, армяне — демонстрируют высокий уровень солидар-

ности со своей этнической группой уже в процессе пребывания. Но, как показывают исследования наших коллег, подобного рода отношения лишь частично упрощают адаптацию прибывающих мигрантов и не обеспечивают полного освоения ими городских (или, как в нашем случае, региональных) пространств [24, р. 18]. Стратегия адаптации в принимающее сообщество принимает вид интеграции, хотя имеет место быть высокий уровень сегрегации, которая опирается на семейные и дружеские связи [16, р. 10]. Иными словами, адаптация азербайджанцев и армян тесно связана с практиками мультикультурализма, с приобретением норм, ценностей местной культуры при одновременном сохранении своей национальной культуры [14, с. 204].

Базисом успешной адаптационной стратегии, по всей видимости, для всех групп мигрантов является общее историческое прошлое, но обращение только к нему, очевидно, уже не является залогом добрососедских отношений с принимающим сообществом. И если абсолютное большинство узбеков называет его смысловой скрепой объединения людей разных национальностей, то азербайджанцы добавляют к нему общую культуру, а армяне — родственные связи. Подобные детерминанты характерны и для других исследований [3, с. 83]. В то же время разъединению в большей степени способствуют язык, традиции и образ жизни. Незнание языка существенным образом затрудняет возможности обучения и социальной активности, трудовой занятости, ограничивая перспективы доступа к услугам, предоставляемым государством, и контакты с принимающим сообществом [15, с. 201].

Выводы

Полученные результаты позволяют говорить о достаточно высокой эффективности государственного регулирования национальных отношений в отдельно взятом полиэтничном регионе — Республике Мордовия, где за последние несколько лет существенно снизился декларативный уровень межнациональной напряженности. Проблемы адаптации иностранных мигрантов существуют, причем они имеют как субъективный, так и объективный характер. Главная из них — выбор сегрегационной (или диссимилиационной) стратегии, конструирующей видимые этнические границы между своей национальной диаспорой и принимающим сообществом. Тем не менее, положительный опыт гармонизации межэтнических отношений, накопленный здесь, полезно будет распространить и на другие субъекты Российской Федерации, что касается как управленческих решений, так и исследовательской методологии, фиксирующей мнения не только населения региона в целом, но и иностранных мигрантов, пребывающих в нем.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 31–44.
3. Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 82–86.
4. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик и взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–59.
5. Иванов В. Н. Детерминанты межнациональных (межэтнических) конфликтов в регионах Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2012. № 3. С. 38–47.
6. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / отв. ред. И. П. Чапенко, И. В. Гришин. М. : ИМЭМО РАН, 2018.

7. Козин В. В., Мотькин В. Н. Ассимиляция и диссимиляция: развития этнической среды // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 134–138.
8. Меркулов П. А. Распространение идеологии терроризма в молодежной среде: современные реалии и направления противодействия // Управленческое консультирование. 2019. № 5. С. 88–94.
9. Миничкина В. П., Руськина Е. С. Эпос как фактор формирования этической идентичности личности (на примере Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2019. № 1. С. 101–114.
10. Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
11. Республика Мордовия глазами социологов: науч. справочник / под ред. В. В. Конакова, Е. А. Демьянова ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2017.
12. Степанова А. А., Сыманюк Э. Э. Этнокультурный тренинг как фактор профилактики этнической отчужденности личности // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 5. С. 157–180.
13. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.
14. Фофанова К. В., Борисов Д. М. Сетевой ресурс как фактор интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 189–206.
15. Хейно Э., Кярмениеми Н., Катиско М., Бородкина О. Факторы, влияющие на интеграцию мигрантов, и особенности социальной работы с мигрантами в Финляндии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 5. С. 199–212.
16. Bagchi A. D. Migrant networks and the immigrant professional: An analysis of weak ties // Population Research and Policy Review. 2001. Vol. 20. N 1–2. P. 9–31.
17. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied psychology: an international review. 1997. Vol. 46. N 1. P. 5–68.
18. Grimes A., Wesselbaum D. Moving Towards Happiness? // International Migration. 2019. Vol. 57. N 3. P. 20–40.
19. Levitt P., Jaworsky B. N. Transnational migration studies: past developments and future trends // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
20. Melzer S. M. Does migration make you happy? The influence of migration on subjective well-being // Journal of Social Research and Policy. 2011. Vol. 2. N 2. P. 73–92.
21. Poletaev D. V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. N 1. P. 171–197.
22. Rumbaut R. G. Severed or Sustained Attachments? Language, Identity, and Imagined Communities in the Post-Immigrant Generation // The Changing Face of Home: The Transnational Lives of the Second Generation / P. Levitt, M. C. Waters eds. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 43–95.
23. Seo S. Temporalities of class in Nepalese labour migration to South Korea // Current Sociology. 2019. Vol. 67. N 2. P. 186–205.
24. Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S. Migration attractiveness of the social and economic spaces: Volgograd case study // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2017. Vol. 12. N 1. P. 5–20.
25. Volkova O., Ostavnaya A., Besschetnova O., Kovalchuk O., Bystriantsev S. Pridnestrovian migrant workers in the country of the recipient: quality of life and employment features // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Vol. 6. N 3. P. 1517–1526.

Об авторе:

Ушкин Сергей Геннадьевич, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (Саранск, Российская Федерация), кандидат социологических наук; ushkinsergey@gmail.com.

References

1. Brubaker R. Ethnicity without groups / translation from English by I. Borisova. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. (In rus).
2. Budenkova V. E., Savelieva E. N. Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches // Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History

- [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie]. 2016. N 1. P. 31–44. (In rus).
3. Gritsenko G.D., Maslova T.F. Migrants in new community: adaptation and/or integration // Sociological Studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2010. N 5. P. 82–86. (In rus).
 4. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. Migrants and society: the integration and disintegration potential of the practices of interaction // Sociological studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2011. N 12. P. 50–59. (In rus).
 5. Ivanov V.N. Determinants of international (interethnic) conflicts in the Russian Federation regions // RUDN Journal of Sociology [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya]. 2012. N 3. P. 38–47. (In rus).
 6. Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism / I. Tsapenko, I. Grishin eds. M. : IMEMO, 2018. (In rus).
 7. Kozin V.V., Motkin V.N. Assimilation and dissimilation: dichotomy of development of the ethnic environment // The dynamics of the social environment as a factor in the development of the need for new professionals in the field of social work and the organization of work with young people / ed. by prof. Z.H. Saralieva. Nizhny Novgorod : Publishing House of NISEC, 2019. P. 134–138. (In rus).
 8. Merkulov P.A. Distribution of the Ideology of Terrorism in the Youth Environment: Modern Realities and Directions of Counteraction // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 5. P. 88–94. (In rus).
 9. Minichkina V.P., Ruskina E.S. Epos as a factor in the formation of ethical identity of the person (on the example of the Republic of Mordovia) // Finno-Ugric World [Finno-ugorskii mir]. Vol. 11. 2019. N 1. P. 101–114. (In rus).
 10. Mukomel V.I. Integration problems of internal ethnic migrant workers // Sociological studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2016. N 5. P. 69–79. (In rus).
 11. The Republic of Mordovia through the eyes of sociologists: a scientific reference book / ed. by V.V. Konakov, E.A. Demyanov; Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution. Saransk, 2017. (In rus).
 12. Stepanova A.A., Symaniuk E.E. Ethnocultural training as a factor in preventing ethnic alienation of a personality // The Education and science journal [Obrazovanie i nauka]. 2019. Vol. 21. N 5. P. 157–180. (In rus).
 13. Urry D. Mobilities / translation from English by A. Lazarev. M. : Praxis, 2012. (In rus).
 14. Fofanova K.V., Borisov D.M. Network Resource as the Factor of Integration of Foreign Labor Migrants to Regional Society // The Journal of Social Policy Studies [Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki]. 2013. Vol. 11. N 2. P. 189–206. (In rus).
 15. Heino E., Kärmeniemi N., Katisko M., Borodkina O. Factors Affecting the Integration of Migrants and Features of Social Work among Migrants in Finland // The journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2015. Vol. 18. N 5. P. 199–212. (In rus).
 16. Bagchi A.D. Migrant networks and the immigrant professional: An analysis of weak ties // Population Research and Policy Review. 2001. Vol. 20. N 1–2. P. 9–31.
 17. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied psychology: an international review. 1997. Vol. 46. N 1. P. 5–68.
 18. Grimes A., Wesselbaum D. Moving Towards Happiness? // International Migration. 2019. Vol. 57. N 3. P. 20–40.
 19. Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational migration studies: past developments and future trends // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
 20. Melzer S.M. Does migration make you happy? The influence of migration on subjective well-being // Journal of Social Research and Policy. 2011. Vol. 2. N 2. P. 73–92.
 21. Poletaev D.V. From mistrust to solidarity or more mistrust? Russia's migration experience in the international context // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. N 1. P. 171–197.
 22. Rumbaut R.G. Severed or Sustained Attachments? Language, Identity, and Imagined Communities in the Post-Immigrant Generation // The Changing Face of Home: The Transnational Lives of the Second Generation / P. Levitt, M.C. Waters eds. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 43–95.
 23. Seo S. Temporalities of class in Nepalese labour migration to South Korea // Current Sociology. 2019. Vol. 67. N 2. P. 186–205.

24. Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S. Migration attractiveness of the social and economic spaces: Volgograd case study // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2017. Vol. 12. N 1. P. 5–20.
25. Volkova O., Ostavnaya A., Besschetnova O., Kovalchuk O., Bystriantsev S. Pridnestrovian migrant workers in the country of the recipient: quality of life and employment features // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Vol. 6. N 3. P. 1517–1526.

About the author:

Sergey G. Ushkin, Leading Researcher of the Social Processes Monitoring Department of Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (Saransk, Russian Federation), PhD in Sociology; ushkinsergey@gmail.com